

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА «ЖЕНА СЫНА» В ПАРЕМИОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

COMPARATIVE ETHNOCULTURAL REPRESENTATION OF THE "WIFE OF THE SON" IMAGE IN PAREMIOLOGICAL UNITS OF GERMAN AND RUSSIAN

**A. Guseva
E. Shimko
N. Vapnik**

Summary: This article deals with a comparative ethnolinguistic analysis of the "son's wife" image in German and Russian phraseological scheme of things. The work addresses issues related to the use of language as a means of translating culture to reveal the ethnic nature of the linguistic picture of the world of comparable languages; an ethnolinguistic approach is actively used to determine the specific possibilities of the "son's wife" image, reflecting the semantic category of "family relations" and representing this category in the Russian phraseological worldview. This approach allows us to reveal national-value character traits and determine a system of stereotypes, images, standards, reoriented in the worldview and world perception of the representatives of German and Russian linguistic cultures.

The study is carried out on the basis of etymological, interpretative, colloquial, phraseological, cultural dictionaries of the Russian language.

Keywords: ethnolinguistics, paremiological units, "son's wife" image, phraseological picture of the world, national-value component, German and Russian languages, comparative aspect.

Гусева Алла Ефимовна

д-р филол. н., профессор, Государственный университет
просвещения (г. Москва)
angst51@rambler.ru

Шимко Елена Алексеевна

д-р филол. н., профессор, Мичуринский государственный
аграрный университет
Shimko_elena@inbox.ru

Вапник Наталья Александровна

канд. филол. наук, доцент, Государственный университет
просвещения (г. Москва)
gratasha@mail.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена сопоставительному этнолингвистическому анализу образа «жена сына» в немецкой и русской фразеологической картине мира (Далее – ФКМ). В работе решаются вопросы, связанные с использованием языка как средства трансляции культуры для раскрытия этнического характера языковой картины мира сопоставляемых языков; активно используется этнолингвистический подход для определения специфических возможностей образа «жена сына», отражающего семантическую категорию «семейные отношения» и представляющего данную категорию в русской и немецкой фразеологической картине мира. Данный подход позволяет раскрыть национально-ценностные черты характера и определить систему стереотипов, образов, эталонов, репрезентированную в мировидении и миропонимании представителей немецкой и русской лингвокультуры. Исследование проводится на основе данных этимологических, толковых, разговорных, фразеологических, культурологических словарей русского языка.

Ключевые слова: этнолингвистика, паремиологические единицы, образ «жена сына», фразеологическая картина мира, национально-ценностный компонент, немецкий язык, русский язык, сопоставительный аспект.

В изучении национального самосознания приоритетным направлением признается исследование фразеологической картины мира, так как она является компонентом мировидения народа, совокупностью общенациональных и индивидуальных знаний о мире [1; 2; 3; 6; 9; 11; 12; 21; 25; 26; 27; 28]. Во фразеологическом составе языка в знаковой форме фиксируются ментофакты материальной и духовной культуры нации, отражаются ценностные ориентации того или иного социума, система его моральных, этических и эстетических предпочтений, иллюстрирующая особенности менталитета конкретного этноса.

Как известно, паремиологические единицы как неотъемлемая часть ФКМ играют особую роль в создании языковой картины мира, так как они являются средством

освоения мира человеком, в них фиксируются, хранятся и воссоздаются его чувства – эмоции; ощущения, оценки, настроения [8, с. 45]. Отсюда формируется ФКМ – часть языковой картины мира, описанная средствами фразеологии, в которой «каждый оборот является элементом строгой системы и выполняет определенные функции в описании реалии окружающей действительности», подчеркивая этноспецифические черты данного народа (содержание человеческого бытия, внешние и внутренние качества человека) и отображая национальную специфику морально-нравственного аспекта (эстетические и этические ценности) [16, с. 224; 20, с. 13]. Р.Х. Хайруллина отмечает следующие признаки ФКМ: универсальность, антропоцентричность и экспрессивность [19].

Паремиологические единицы относятся к наиболее

сложной в семантическом плане группе языковых единиц, одной из характерных особенностей которых является то, что общий смысл этих образных выражений невозможно понять, исходя из простой суммы значений составляющих их компонентов. Именно поэтому паремии, представляя собой национально-специфические единицы языка, аккумулирующие культурный потенциал народа и отражающие то, что принято называть особенностями национального характера.

В соответствии с этим в работе рассматриваются следующие вопросы:

- изучение репрезентации этнокультурного компонента в паремиологических единицах, выражающих образ «жена сына» в немецком и русском языках;
- проведение сравнительного этносемантического анализа базовых лексем и слов-компонентов, выражающих образ «жена сына» в немецкой и русской ФКМ;
- интерпретация лексических единиц, отражающих образ «жена сына» в составе паремий как культурных знаков;
- установление ценностного содержания в паремиологических единицах, иллюстрирующих образ «жена сына»;
- разграничение универсальных и национально-культурных элементов в паремиях, содержащих образ «жена сына».

Целью исследования является выявление характера интегративных и национально-специфических черт паремиологических единиц, эксплицирующих образ «жена сына», двух дальнеродственных языков: немецкого и русского в отношении зависимости от степени их этнокультурной соотнесенности.

Основными методами лингвистического исследования этнокультурного компонента в паремиологических единицах, содержащих образ «жена сына» стали метод дефиниционного анализа, метод интроспекции, метод сопоставления, метод компонентного анализа, сравнительно-исторический метод, метод культурного контраста.

Проанализируем этнокультурную репрезентацию паремий, раскрывающих образ «жена сына» в концепции

сопоставительного подхода с целью определения национальной обусловленности в немецкой и русской ФКМ.

Обратимся к таблице (см. Табл. 1):

Отметим, что в русской фразеологической картине мира для обозначения «жены сына» используется дополнительная лексема «невестка». В немецком языке данное слово отсутствует.

Охарактеризуем образ «жена сына» на примере паремий *“Den Sack schlägt man, den Esel meint man”* и *«Кошку бьют, а невестке наветки дают»*.

Рассмотрим немецкие ключевые лексемы *“der Sack”* и *“der Esel”*. Выясним этимологию данных слов. Древнегерманское существительное *“der Sack”* употреблялось в средневерхненемецком, древневерхненемецком – *«sac»*, готском – *«sakkus»* со значениями ‘печаль’, ‘власяница из грубой материи’, было замечено в других германских языках: нидерландском – *«zak»*, древнеанглийском – *«sacc»*, английском – *«sack»*. Появилось в языке в период римско-германской торговли в качестве заимствованного слова из латинского *«saccus»* – ‘мешок’. Это латинское слово считалось заимствованием из греческого *«sákkos»* – ‘грубая материя из козьей шерсти’ (из такого материала изготавливали мешки), ‘грубый плащ’, ‘печаль’, ‘платье для покаяния’ и имеет семитское происхождение (сравните: древнееврейский *«šaq»* – ‘нить из волоса’, ‘мешок’) [23, S. 691].

В настоящее время данная лексема отражает семантику: ‘огромный, продолговатый футляр из грубой ткани, крепкой бумаги, синтетического материала, служащий для провоза или хранения груза’, ‘сумка’, ‘фамильярное: мужчина, человек’, ‘в форме множественного числа: мешковидные складки на коже под глазами’, ‘слезный мешок’, ‘анатомическое: мошонка’ [24, S. 1484].

Однако в семейной обрядности немцев существовал обычай, согласно которому женщину, нарушившую супружескую верность, связывали и помещали в мешок вместе с кошкой, а по мешку этому били палками. Обезумев от боли от ударов палки, кошка царапала и кусала пленниц, стараясь выбраться. Когда же эта человеческая «игра» заканчивалась, мешок бросали в очистительный огонь [15].

Таблица 1.

Эксплицитное представление образа «жена сына» в немецких и русских паремиях.

Немецкий язык	Русский язык
Den Sack schlägt man, den Esel meint man (буквальный перевод: «бьют по мешку, а имеют в виду осла»).	Кошку бьют, а невестке наветки дают.
	Пусть невестка и дура, только бы огонь пораньше дула.
	Все в семье спят, а невестке молоты велят.
	Смалчивай, невестка, - сарафан куплю (говорит сношник).

Лексема “der Esel”, являясь древней по происхождению, называла ‘животное’ (сравните: средневерхненемецкий – «esel», древневерхненемецкий – «esil», готский – «asilus», нидерландский – «ezel», древнеанглийский – «eosol») и произошла от латинского заимствования «asinus» – ‘осел’, возникшего из малоазийского языка, распространенного на южной части Черного моря. В большинстве случаев служила для обозначения животного ‘осел’, а также употреблялась как бранное слово в значении ‘простачок, дурак’. Из этого значения образовалось производное существительное Eselei – ‘глупость’ и вошло в состав слов: «Eselbrücke» – ‘наводящие вопросы’, ‘пометка для памяти’ (в XVIII в. вошло в язык преподавания в школе из заимствованного словосочетания среднелатинского «pons asinorum» – выражение схоластической философии, имеющее соответствие во французском языке «pont aux ânes fortwirkt»), «Eselohr» – ‘загнутый угол на странице книги’ (в XVII в. сравнивалось с опущенным ухом осла)–[23, S. 188].

В современном немецком языке слово “der Esel” имеет значения: ‘животное семейства лошадиных, небольшого роста, со шкурой серо-коричневого цвета, с короткой гривой, длинными ушами и хвостом с кисточкой’, ‘фамильярное: дурак, увальень, глупец’ и обладает дополнительными семами в разговорном языке – «bepackt [beladen] wie ein Esel» – ‘нагружен как вьючное животное’, «der Esel geht voran [nennt sich zuerst]» – ‘с себя не начинают’, «wenn’s dem Esel zu wohl wird, geht er aufs Eis tanzen» – ‘от счастья теряют голову; головокружение от успехов’, «den hat der Esel im Galopp verloren» – ‘фамильярное: его пыльным мешком из-за угла ударили’, «wenn man den Esel nennt, kommt er schon gerent [gerannt]» – ‘кто-либо легок на помине’ [24, S. 549; 10, с. 200].

В культурной традиции символическое значение осла противоречиво. В Древнем Египте с ним связывалось убийство Сетом Осириса, и иероглиф, обозначающий осла, изображал нож, воткнутый в плечо. С помощью такого печального знака пытались магически предотвратить несчастье. В Греции бог Дионис изображался верхом на осле; римляне видели в осле намек на бога плодородия Приапа и считали его членом свиты богини Цереры.

В христианских сказаниях осел – символ кротости, смирения, терпения, а иногда бедности. Его часто изображали для того, чтобы подчеркнуть контраст с богатством. Библейское предание гласит, что прибытие израильтян в Иорданскую долину напугало царя моавитян Валака, который послал за Валаамом, чтобы тот явился проклясть их. Но ангел, не видимый Валааму, преградил путь, чтобы заставить ослицу, на которой тот ехал, повернуть обратно. Ослица, заговорившая человеческим голосом, открыла глаза Валааму, узревшему стоящего перед ним ангела с обнаженным мечом.

Осел увозит Марию в Вифлеем, он присутствует при Рождестве Христа и при последующем бегстве святого семейства в Египет. Христос избрал белую ослицу для своего триумфального въезда в Иерусалим, и в память о такой чести на ее спине остался черный крест. Шерсть с этого креста считалась обладающей целительной силой. Полагали, что если ее носить в мешочке на шее, то это предохранит от зубной боли и коклюша.

С другой стороны, осел является атрибутом глупости и упрямства и – вместе с мельничным жерновом – послушания.

Репутация осла, как животного глупого уходит корнями в фольклор Западной Европы. Колпак шута непременно снабжен ослиными ушами. В средневековой Европе неверные жены, проститутки, преступники и даже банкроты подвергались унижению и позору тем, что их возили верхом на осле.

Осел изображается у германцев как вьючное животное, вечно тащащее воз и символизирующее, таким образом, смирение, терпение, кротость. У евреев образ осла означает упрямство. Этот же символ был заимствован и немецкой культурой [5, с. 191; 7, с. 145].

Отсюда лексема “der Esel” выступает прототипической чертой, характеризующей жену сына как женщину, с одной стороны, кроткую, терпеливую, с другой – напористую нравом, граничащим с глупостью.

В основе паремии “*Den Sack schlägt man, den Esel meint man*” лежит аллегория, уподобляющая такие черты характера жены сына, как глупость, упрямство, смирение, терпение, кротость в образ осла. Однако проявление нрава, допущение ошибок строго наказывалось. Паремия в целом выражает стереотипное представление о характере жены сына.

Русское слово «кошка», имеющее значение ‘самка кота’, восходит к праславянской основе «*kotja», родственно украинскому – «кішка», белорусскому – «кошка», болгарскому – «котка», чешскому – «kočka», польскому – «kotka», верхнелужицкому – «kóčka», нижнелужицкому – «kocka», сербохорватскому – «мачка», словенскому, словацкому – «mačka» [22, т. 1, с. 438].

В современном русском языке лексема «кошка» имеет следующие значения: ‘самка кота’, ‘разговорное: кошачий мех’, ‘зоологическое: род млекопитающих семейства кошачьих’, ‘небольшой якорь с тремя и более лапами’, ‘обувь с острыми шипами для лазания на столбы’, ‘в различного рода производствах – название особого вида крюков или скребков’, ‘ременная плетель с несколькими концами, употребляющаяся для телесного наказания’ [17, т. 1, с. 1493].

В славянской мифологии кошка оценивается неоднозначно: и как чистое животное, и как нечистое. Поверья объясняют происхождение кошки как от дьявола, так и из рукавицы Божьей Матери. В легенде о всемирном потопе кошка спасает Ноев ковчег: затыкает хвостом дыру, которую прогрызла мышь, сотворенная дьяволом.

В облике черной кошки часто представляют нечистую силу. В то же время кошка, как полагают, способна видеть нечистую силу, невидимую для человека. В образе кошки может воплощаться черт, холера, «коровья смерть».

Кошке присущи черты домашнего покровителя. Присутствие ее в доме благоприятно сказывается на хозяйстве и скоте. Верят, что счастье в дом приносит краденая кошка, а в несчастливом доме кошки не водятся. При переезде в новый дом хозяева часто пускают в него сначала кошку, а потом вселяются сами. Входя вслед за ней, хозяин идет в угол, который должен облюбовать себе домовый. Принесенную в новый дом кошку сажают на печь рядом с дымоходом, то есть туда, где, по распространенным поверьям, обитает домовый.

Кошку используют в народной магии и медицине. Полагали, например, что у черной кошки или кота имеется чудодейственная кость. Если добыть ее, она сможет сделать человека невидимым или наделит его способностью все знать.

В некоторых русских губерниях для предотвращения начавшегося падежа скота считалось необходимым зарывать павшую скотину в хлев вместе с живой кошкой. Чтобы уберечься от холеры, проводили вокруг села борозду маленьким плугом, в который запрягали кошку, собаку, петуха, непременно черных. Опухшее вымя коровы лечили, царапая по нему когтями домашней кошки. Ребенка, больного чахоткой, купали в купели вместе с черной кошкой, чтобы болезнь перешла на кошку. От насморка следовало нюхать дым обжигаемого кошачьего хвоста. Белую кошачью шерсть использовали как средство от ожога [14, с. 255 – 256].

Итак, лексема «кошка» олицетворяет, с одной стороны, симпатию и приязнь к независимости (воля и свобода), поведению (опрятность, чистоплотность), характеру (живучесть, выносливость). С другой стороны, – подозрение, что за всем этим скрывается иное содержание: за свободолюбием – своеволие (лень и эгоизм), за лаской – лживость и притворство с надменностью и высокомерием, за опрятностью – безразличие и брезгливость.

Специфичным является употребление в русском языке лексемы «наветки» от «вет». Древнерусское слово «вътъ» – «совет, договор» сходно с рядом слов в славянских языках, родственно литовскому «vaitenù» – «сужу,

обсуждаю, полагаю», древнепрусскому «waitiāmi» – «мы говорим», «waitiāt» – «говорить», авестийскому «uaēθ» – «установить судебным следствием», «uaēθa» – «судебное заключение», польскому – «witać», верхнелужицкому – «witać», нижнелужицкому «witaś» – «приветствовать» [18, т. 1, с. 305].

В настоящее время слово «наветки» в русском языке носит архаический характер и выражает семы «клевета», «ложное обвинение» [17, т. 2, с. 312].

Следовательно, в основе образа паремии «Кошку бьют, а невестке наветки дают» лежит восходящая к архетипическим, то есть древнейшим коллективно-родовым представлениям оппозиция «свой – чужой».

Образ паремии соотносится с зооморфным кодом культуры, то есть с совокупностью имен животных и других живых существ, обозначающих их как целое или их части и специфичные для них качественные характеристики, которые несут в дополнение к их природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим именам роль знаков «языка» культуры.

Паремия содержит метафору, в которой представление о расплате за проявление независимости невесткой уподобляется представлению о воздействии физической силы на кошку.

В духовно-нравственном коде культуры свобода, воля оценивается позитивно. Нарушение чужой свободы, подавление чужой воли и абсолютное подчинение предосудительны, поскольку не соответствуют, в частности, установке христианской культуры, согласно которой «на все воля Божия» и насилие – это всегда зло. Но если деятельность того, кто подвергается подобному наказанию, представляется говорящему предосудительной, то такое насилие воспринимается как необходимая мера, совершаемая «во благо», и оценивается как допустимое.

Паремия «Кошку бьют, а невестке наветки дают» содержит стереотипное представление о кротости, терпении, смирении невестки.

Таким образом, в лексическом плане пословицы «Den Sack schlägt man, den Esel meint man» и «Кошку бьют, а невестке наветки дают» не имеют родства. Однако в культурологическом аспекте общим сигнификативным значением данных паремий можно считать проявление «женой сына» таких качеств характера, как кротость, терпение, смирение, являющихся нравственно ценными в сопоставляемых картинах мира.

Русская ФКМ свидетельствует о тяжелой судьбе невестки. После свадьбы муж традиционно приводил жену в дом родителей. Вторые родители – свекровь и свекор

должны быть почитаемы: «Потом сказал дочери своей: почитай твоего свекра и свекровь, теперь они – родители твои; желаю слышать добрый слух о тебе. И поцеловал ее. И Една сказала Товии: возлюбленный брат, да восстановит тебя Господь Небесный и дарует мне видеть детей от Сарры дочери моей, дабы я возрадовалась пред Господом. И вот, отдаю тебе дочь мою на сохранение; не огорчай ее (Тов. 10:12)-[13].

Следовательно, ближней родней невестке становятся родители супруга. С женитьбой сына семья получала молодую работницу, на которую возлагались все домашние обязанности, что иллюстрируют следующие паремии: «Пусть невестка и дура, только бы огонь пораньше дула», «Все в семье спят, а невестке молоть велят».

В традиции русского села отразились случаи возникновения интимной близости между невесткой и отцом ее супруга. Замеченный в подобной непристойности селянин получал навек клеймо снохача или сношника, которое выражало общественное порицание и презрение к нарушению святости семейных уз: «Смалчивай, невестка, – сарафан куплю (говорит сношник)». Отметим, что для патриархального уклада сельского быта половая близость между главой крестьянской семьи (большаком) и женой сына не была явлением исключительным.

Причину существования этой формы удовлетворения сексуальных потребностей следует видеть в особенностях крестьянского быта. Одна из причин – это ранние браки. В середине XIX в., по сведениям А.П. Звонкова, в селах Елатомского уезда Тамбовской губернии было принято женить 12-13-летних мальчиков на невестах 16-17 лет. Отцы, склонные к снохачеству, умышленно женили своих сыновей молодыми для того, чтобы пользоваться их неопытностью. Другая причина снохачества – отхожие промыслы крестьян. Мужья уходили на заработки, виделись с женами только два раза в год, свекор же оставался

дома и распоряжался снохой по своему усмотрению.

Механизм склонения невестки к сожительству со свекром был достаточно прост. Пользуясь отсутствием сына (отход, служба), а иногда и в его присутствии, свекор принуждал ее к половой близости, используя все средства: и уговоры, и подарки, и обещания легкой работы. В ином случае молодуха подвергалась непосильной работе, сопровождаемой придирками, ругательствами, побоями. Жизнь женщин, отказавших своим свекрам в удовлетворении их плотских желаний, становилась невыносимо мучительной.

Специалист по гражданскому праву дореволюционного периода Е.Т. Соловьев отмечал, что «когда невестка не желает быть сожительницей свекра, ей достаются от него жестокие побои, арест в подполье, погребу или в холодном амбаре. В тех случаях, когда преступная связь свекра с невесткой открывалась, виновной, как правило, признавалась женщина, которую ожидала жестокая расправа со стороны мужа [4, с. 55-57]. Отсюда пословица «Смалчивай, невестка, – сарафан куплю (говорит сношник)» семантизирует 'сексуальное насилие над невесткой со стороны свекра'.

Этнолингвистический анализ немецких и русских паремий, объективирующих ключевую лексику «жена сына – невестка», позволил выделить общие и национально доминирующие представления о жене сына. Данный вывод изложим в виде схемы (рис. 1).

Проведенный анализ позволил установить диапазон и спектр интегральных и ментальных особенностей паремиологических единиц, выражающих образ «жена сына», в немецком и русском языках, и таким образом доказать особую функцию паремий воплощать в себе и транслировать в речи символичные смыслы, эталонные и стереотипные представления языкового сообщества.

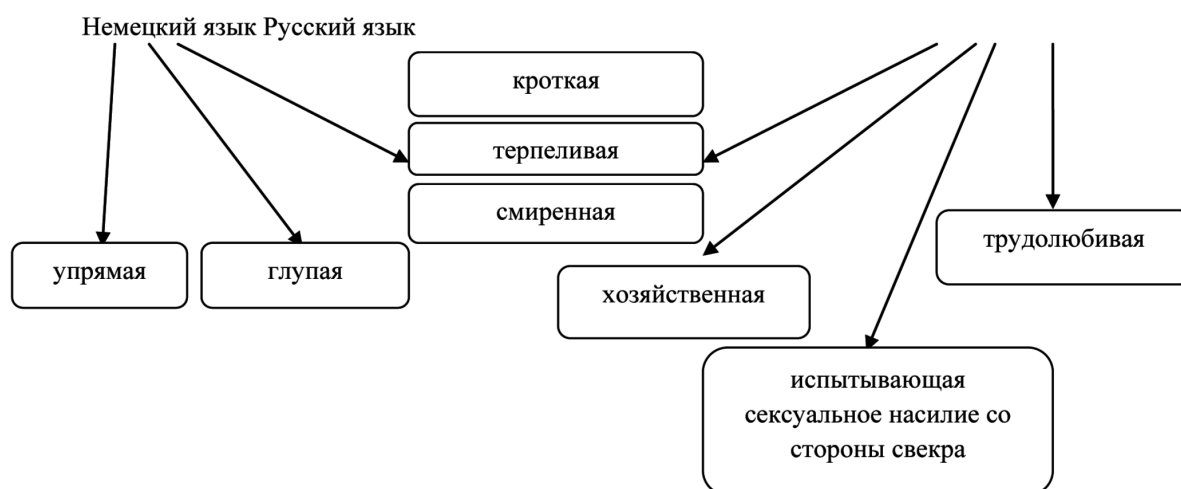

Рис. 1. Общие и специфические значения немецких и русских паремий, эксплицирующих образ «жена сына»

ЛИТЕРАТУРА

1. Аль-Дайбани, Ареф Али Фразеологические единицы, выражающие интеллектуальные способности человека в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук/ Ареф Али Аль-Дайбани. – Казань, 2003. – 199 с.
2. Ахметсагирова, Л.И. Языковая картина мира сквозь призму фразеологии военной сферы: на материале русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук/Л.И. Ахметсагирова. – Казань, 2010. – 197 с.
3. Батсүрэн, Рэнчин Отображение универсальных и этноспецифических черт языковой картины мира во фразеологических фондах английского, русского и монгольского языков: (на материале фразеологизмов-соматизмов и зоонимов): автореф. дис. ... канд. филол. наук/ Рэнчин Батсүрэн. – Саратов, 2010. – 26 с.
4. Безгин, В.Б. Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX – начала XX века)/В.Б. Безгин. – М.: Тамбов, 2004. – 129 с.
5. Бидерманн, Г. Энциклопедия символов/Г. Бидерманн. – М.: Республика, 1996. – 335 с.
6. Бобрышева, Л.К. Фразеологизмы как национально-культурная экзистенциальная картина мира (на материале русского и адыгейского языков): дис. ... канд. филол. наук/Л.К. Бобрышева. – Майкоп, 2009. – 154 с.
7. Борхес, Х.Л. Бестиарий: Книга вымышленных существ/Х.Л. Борхес. – М.: ЭСКИМО-Пресс, 2000. – 368 с.
8. Буянова, Л.Ю., Коваленко, Е.Г. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности/Л.Ю. Буянова, Е.Г. Коваленко. – Краснодар: КубГУ, 2004. – 164 с.
9. Гатауллина, Л.Р. Роль цветообозначений в концептуализации мира: на материале фразеологизмов английского, немецкого, французского, русского и татарского языков: дис. ... канд. филол. наук/Л.Р. Гатауллина. – Уфа, 2005. – 259 с.
10. Девкин, В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики DJVU/В.Д. Девкин. – М.: Русский язык, 1994. – 1785 с.
11. Дуйсекова, К.К. Фразеологические картины мира, французского и казахского языков (концептуально-лингвокультурологический; опыт исследования): дис. ... д-ра филол. наук/К.К. Дуйсекова. – Алмата, 2006. – 260 с.
12. Иванова, Е.В. Пословицная концептуализация мира: на материале английских и русских пословиц: дис. ... д-ра филол. наук/Е.В. Иванова. – СПб., 2003. – 415 с.
13. О семье [Электронный ресурс] – URL: <http://www.kistine1.narod.ru/Tolstine.htm> (Дата обращения: 24.01.2025).
14. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Толстая. – М.: Международные отношения, 2011. – 512 с.
15. Страна порядка, педантизма и ... кошек! Кошки в Германии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cats-exotic.ru> (Дата обращения: 22.01.2017).
16. Фаткуллина, Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке: дис. ... д.ф.н./ Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа, 2002. – 323 с.
17. Ушаков, Д.И. Толковый словарь русского языка/Д.И. Ушаков. В 4-х т. Т. 1. – М.: ТЕРРА, 1996. – 824 с., Т.2. – М.: ТЕРРА, 1996. – 520 с., Т.3. – М.: ТЕРРА, 1996. – 712 с., Т.4. – М.: ТЕРРА, 1996. – 752 с.
18. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка/М. Фасмер. В 4-х т. Т. 1. – М.: Астрель: АСТ, 2004. – 588 с.; Т. 2. М.: Астрель: АСТ, 2009. – 671 с.; Т.3. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 830 с.; Т.4. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – 860 с.
19. Хайруллина, Р.Х. О типах межъязыковых фразеологических параллелей в русском и башкирском языках/Р.Х. Хайруллина// Функционирование языковых единиц и грамматических категорий в разных типах и стилях речи. - Уфа: Башкир. гос. пед. ин-т, 1997. – С. 54 – 160.
20. Хайруллина, Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию/Р.Х. Хайруллина. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. – 299 с.
21. Частикова, А.В. Английские и немецкие фразеологические единицы, вербализующие макроконцепт «природные явления» как отражение наивной картины мира: дис. ... канд. филол. наук/А.В. Частикова.- Воронеж, 2009. – 236 с.
22. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П.Я. Черных. В 2-х т. Т. 1. – М.: Рус. яз., 1993. – 623 с.; Т. 2. – М.: Рус. яз., 1993. – 560с.
23. Duden, C. Etymologie: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache / C. Duden. - Mannheim, Zurich, 2007. – 960 S.
24. Duden, C. Deutsche Universalwörterbuch / C. Duden. - Mannheim, Zurich, 2011. – 2112 S.
25. Guseva, A.E., Shimko, E.A., Shabanova, V.P., Polyakova, N.V., Vapnik, N.A. Phraseological picture of stepmother in the german and Russian languages/ A.E Guseva, E.A. Shimko, V.P. Shabanova, N.V. Polyakova, N.A. Vapnik // Applied Linguistics Research Journal. – 2021. – № 3. Т. 5. – P. 174 – 180.
26. Rudneva, N.I., Shimko, E.A., Korotkova, G.V. Explication of the national value parameter in paremiological units/ N.I. Rudneva, E.A. Shimko, G.V. Korotkova // Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. – 2019. – № 9 (1). – P. 3852 – 3856.
27. Shimko, E., Korotkova, G., Rudneva, N., Yashina, E. Innovative technologies in Romano-Germanic philology research (the case of lexical-semantic explication of German and Russian nominations «husband», «spouse»)/ E. Shimko, G. Korotkova, N. Rudneva, E. Yashina// E3S Web of Conferences – 210,15001, 2020.
28. Shimko, E., Rudneva, N., Korotkova, G., Yashina E. Symbolizing The “Wind” Concept In “The Twelve” Poem By A. Blok/ E. Shimko, N. Rudneva, G. Korotkova, E. Yashina// EpSBS – Volume 118 International Conference on Language and Technology in the Interdisciplinary Paradigm (LATIP 2021) Doi 10.15405/epsbs.2021.12.103.

© Гусева Алла Ефимовна (angst51@rambler.ru), Шимко Елена Алексеевна (Shimko_elena@inbox.ru),
Вапник Наталья Александровна (gratasha@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»